

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ, ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЕ И ГЕОМОРФОЛОГИЯ

УДК 39; 572.9 +504.75+005; 519.7; 303.732

*Памяти Лидии Вениаминовны Данько
заместителя директора
Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН*

С.Б. Кузьмин, Л.В. Данько**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ ТЕОРИЙ ЭТНОГЕНЕЗА**

Обсуждаются возможные географические приложения наиболее распространенных в настоящее время теорий этногенеза. Эти приложения являются методологической основой для практической разработки палеоэкологических моделей этноприродных взаимодействий в регионах Российской Федерации. В основе этих моделей лежат концептуальные выводы о том, что развитие этносов в историческом аспекте во многом обусловлено географическими условиями их существования, связями с особенностями структуры и динамики ландшафтов, вмещающих этнические общности. Связи этноса и ландшафта порождают особые системы – этноприродные.

К л ю ч е в ы е с л о в а: человек и ландшафты, этносы, теории этногенеза, этноприродные системы, общая теория систем.

Введение

Этногенез и природная среда – исследовательская тема, ставшая чрезвычайно актуальной в последние годы в связи с ростом этнического самосознания. Она подвела нас к пониманию того, что разные сообщества людей относятся к одним и тем же природным явлениям по-разному, в зависимости от географических условий и стадий эволюции географической среды, а руководящим импульсом территориального общественного развития являются обычаи и традиции [18]. Лауреат Нобелевской премии (1974 г.) австрийский экономист и социолог Ф.А. фон Хайек (1899-1992 гг.) ставил обычаи и традиции между инстинктом и разумом человека. По его мнению, традиции сыграли решающую роль в становлении порядка в человеческой деятельности, в формировании прогрессивной цивилизации. Традиции придают социальной эволюции человека ускоренный характер по сравнению с его биологической эволюцией. Вместе с тем биологическая и социальная эволюции связаны между собой определенными механизмами, важнейшим из которых является способность к подражанию. Уже у высших животных эта способность является существенным фактором приспособления к изменениям окружающей природной среды. Именно обучение человека в коллективах путем подражания в сочетании с трудовой деятельностью привело в действие высокоэффективный механизм социально-культурной, общественной эволюции [17]. Человек и созданные им этнические сообщества обладают специфическим образом мысли в географических координатах пространства и времени. Этот образ мысли складывается под воздействием окружающей среды, ландшафта. Поэтому на разных территориях (в разных ландшафтах) можно наблюдать разные географические образы одного и того же явления, а согласно позиционному принципу Б.Б. Родмана [15] в схожих ландшафтах, но находящихся в разных природных зонах, их свойства и характер использования также могут отличаться.

Материалы и методы

В статье рассматриваются возможные географические приложения наиболее распространенных теорий и концепций этносов и этногенеза. Традиционно в литературе в аспекте противопоставления изучаются две теории этногенеза: дуалистическая Ю.В. Бромлей и пассионарная Л.Н. Гумилева. Они сформулированы 35–40 лет назад, и за прошедшее время сами были не только значительно модифицированы, но и появились новые теории, наделенные специфическим смыслом и содержанием. В этой связи при исследовании географических приложений этногенеза необходимо привлекать более широкий круг его теорий или отдельных концептуальных положений.

© Кузьмин С.Б., Данько Л.В., 2015

Кузьмин Сергей Борисович, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН; Россия 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1; kuzmin@irigs.irk.ru

Данько Лидия Вениаминовна, кандидат географических наук, заместитель директора Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН; Россия 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

Дуалистическая теория этноса и этносоциология (Ю.В. Бромлей, Э.А. Баграмов, М.С. Джунусов, Г.С. Денисова, М.Р. Радовель). Согласно этой теории в этносе сочетаются собственно этнические свойства (язык, бытовая культура, обряды, этническое самосознание) и дополнительные характеристики, которые рассматриваются в качестве условий формирования и существования этносов (географические, экономико-социальные, государственно-правовые и т. п.). Этнос способен к саморазвитию посредством трансформации системообразующих связей (процессуальная суть этноса). Большое внимание уделяется динамике этнических общностей, ядро которых составляет совокупность культурных элементов: язык, нормы поведения, психический склад, самосознание и самоназвание. Этническая общность – это специфическое этносоциальное образование, которое включает в себя основные социальные группы, присущие обществу соответствующей формационной принадлежности.

Пассионарная теория этногенеза (С.М. Широкогоров, Л.Н. Гумилев, К.С. Момджян, Дж.А. Дириг, Р.В. Батарби). Эта теория рассматривает этносы как результат коэволюции обособившихся групп людей, регионального и глобального климата, природной среды. В ней этнос первичен по отношению к социуму, сущность этнических образований природная, а не социальная, все этносы тесно связаны с вмещающим их ландшафтом (местообитанием). Самосознание глубоко вторично по отношению к сущности этноса, а характер взаимодействия различных этносов определяется степенью близости или взаимодополняемостью стереотипов поведения, выработавшихся у них в процессе освоения определенных природных ландшафтов, территорий, и возникшей на этой основе взаимной комплиментарности или некомплементарности. Этнос обладает собственным ритмом и логикой развития, которые очень часто невозможно изменить сознательной деятельностью людей.

Информационная теория этноса (С.А. Арутюнов, Н.Н. Чебоксаров, К. Леви-Строс, М. Мосс). В качестве основы для возникновения и самоподдержания (соморегулирования) этносов эта теория рассматривает сгустки коммуникационных информационных связей. Этносы – это реально существующие в течение всей истории человечества общности людей, основанные на лишенной всякой выборочности всеобщей совокупности коммуникационных информационных связей. Критерием для выделения тех или иных форм этничности выступает степень плотности синхронных и диахронных информационных связей. Эта теория допускает, что в будущем возможно появление новых форм этничности, предтечами которых являются этнополитические или этносоциальные единства, возникающие в настоящее время в единых исторических и коммуникационных условиях.

Системно-статическая (компонентная) теория этноса (Г.Е. Марков, В.В. Пименов). Данная теория основана на утверждении, что этнос – это исторически возникшая и эволюционирующая сложная самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, обладающая многосоставной композицией (структурой). Структурными образованиями высшего порядка являются компоненты этноса, которые, в свою очередь, также имеют сложное строение. Эти компоненты следующие: расселение этноса, его воспроизводство как части населения и свойственная ему демографическая структура, производственно-экономическая деятельность, система социальных отношений и институтов, язык, быт, обычаи, обряды, система личного контакта.

Этносоциокультурная теория. Р.Л. Беттингер, Л.Р. Бинфорд, Л.С. Клейн, О.М. Мельникова, Н.А. Томилов. Эта теория рассматривает этносоциокультурные сообщества (этносы) как сложные, открытые адаптивно-адаптирующие системы, содержащие механизмы прямых и обратных, негативных и позитивных, стабильных и/или нестабильных связей с окружающей средой (ландшафтами). Данная теория в некоторой степени синтезирует описанные выше.

Ритмическая концепция этногенеза (Дж. Пиплз, Дж. Бэйли). Данная теория основана на том постулате, что между общественно-социальными коллективами и окружающей природной средой существует определенная взаимосвязь, которая проявляется в устойчивых ритмах жизнедеятельности, находящихся в соответствии с сезонными и более продолжительными климатическими и природными изменениями (ритмами), состоянием жизнеобеспечивающих ресурсов вмещающего ландшафта. В результате этих ритмических связей и формируются этносы.

Этноэкономическая концепция этногенеза (А.И. Владимиров). Эта теория утверждает, что в процессе этногенеза этнокультурные характеристики этносов сливаются с экономическими и политическими целями развития всего общества, определяя адаптивные к ним механизмы этносов. Ее возникновение связано с пессимизмом по поводу образования новых этносов.

Традиционно-адаптивная теория этногенеза (Ф.А. фон Хайек). Эта теория говорит о том, что обычаи и традиции сыграли решающую роль не только в процессе этногенеза, но и при становлении порядка в совместной человеческой деятельности. Традиции и обычаи придают социальной эволюции человека ускоренный характер по сравнению с его биологической эволюцией.

Хозяйственно-культурная теория этногенеза (Б.В. Андрианов, А.Г. Доскач, А.В. Дулов, С.М. Мягков, Дж.Р. Голд, Б. Гуди, Дж.К. Митчелл, А.В. Уайт). Эта теория основана на следующих концептуальных положениях. В ходе развития материальной и духовной культуры, с приобретением

опыта хозяйствования восприятие человеком географической среды совершенствовалось и служило одним из механизмов этногенеза. Тем не менее изменения этносом среды обитания (ландшафтов) и технологий хозяйствования приводят к ошибкам в восприятии, особенно если эти изменения происходят за непродолжительный отрезок времени, когда они не могут быть объяснены наукой.

Теория неклассической рациональности (М.К. Мамардашвили). Эта теория утверждает, что критерии истины в обществе зависят от ценностей конкретной культуры, этноса, от их обычаев и традиций, культуры. Поэтому только общественное сознание этносов и других социокультурных сообществ придает духовный и потребительский смысл любым явлениям в природе и тем административным структурам, которые берутся управлять этими явлениями.

Генетическая теория Пьера ван ден Берге (Pierre L. van den Berghe). Эта теория переносит на человеческое поведение отдельные положения этологии и зоопсихологии. Она предполагает, что многие явления общественной жизни человека, в т.ч. этнические процессы, обуславливаются биологической стороной его природы. Этнос, согласно генетической теории, представляет собой расширенную родственную группу. Существование этнических общностей объясняется генетической предрасположенностью человека к родственному отбору – непотизму. Альтруистическое поведение уменьшает шансы отдельного человека на передачу своих генов следующему поколению, но в то же время увеличивает возможность передачи его генов кровными родственниками. Помогая родственникам выжить и передать свои гены следующему поколению, индивид тем самым способствует воспроизведению собственного генофонда. Поскольку такой тип поведения делает группу людей эволюционно более устойчивой, чем аналогичные другие группы, в которых альтруистическое поведение индивидов отсутствует, то «гены альтруизма» поддерживаются естественным отбором.

Результаты и обсуждение

Изучение теорий этногенеза, их географических интерпретаций, социально-экономических и общественно-политических приложений позволило сформулировать следующие рассуждения.

Термины «этнос», «этногенез» были введены в научный обиход, а сама «теория этногенеза» была разработана Л.Н. Гумилевым. Она постоянно критиковалась в прошлом, критикуется и в настоящем. Тем не менее основные ее положения были настолько теоретически продуманы и актуальны в свое время и до сих пор, что терминологический и концептуальный аппарат этой теории был воспринят даже самыми яркими ее противниками. Л.Н. Гумилев в своих методологических изысканиях неоднократно обращался к работам классиков географической литературы: Л.С. Берга, Ю.Г. Саушкина, А.А. Григорьева и др. Именно Л.С. Берг еще в 1922 г. выдвинул положение о том, что географический ландшафт воздействует на организмы, включая человека, принудительно заставляет варьировать в конкретном направлении развития, насколько это допускает организацию видов. Все природные зоны, будь то тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д., накладывают особый отпечаток на организмы. Поэтому те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть [3].

Большую роль с точки зрения географии в теории этногенеза Л.Н. Гумилева играет суперэтнос, который можно определить как систему этносов, возникшую в результате пассионарного толчка в одном регионе и связанную общностью исторической судьбы. Каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в ландшафте, а суперэтносы существуют в границах своих этноландшафтных зон, когда отдельные комплементарные этносы начинают дополнять друг друга. Конечно, отдельные особи находят ресурсы для жизни и за пределами кормящего этноса ландшафта. Но с точки зрения истории всего человечества это кратковременные флуктуации, скорее, исключение, чем правило. На популяционном уровне существование вне этноса немислимо [7]. Современная цивилизация не исчезает лишь из-за беспрецедентных масштабов потребления накопленных биосферой миллиардами лет природных ресурсов. Значит, если мы допускаем, что ландшафт действует на этнос принудительно, то при его смене этнос вынужден либо исчезнуть, либо выработать новые формы адаптации, что означает смену стереотипа поведения. А последнее уже закладывает основы для появления нового этноса, если популяция мигрирует за пределы этноландшафтной зоны.

Каждый вид животных обитает в определенных географических условиях и адаптирован к ним (ареалы обитания). Человек как вид в этом смысле не имеет собственного ареала и расселен по всей Земле. Но его потребность в адаптации к ландшафту тем не менее остается и проявляется в том, что человечество распадается на этносы. И если адаптация животных к ландшафту сказывается на самой структуре животного мира (классификационное деление на виды), то у человека она проявляется в стереотипах поведения. Этнос, адаптируясь к окружающему ландшафту, вырабатывает свой стереотип поведения, часто враждебный по отношению к другому типу поведения, другому этносу. В аспекте исторической географии этносы всегда противопоставляли себя всем остальным людям, понимая это как основу выживания. Стереотип поведения включает культурные и мировоззренческие устои, формы

общежития и хозяйства. Но ландшафт имеют собственную природную динамику и историю развития. И если он меняется коренным образом, безразлично – от воздействия человека или от изменения природной среды, – люди должны либо приспособиться к новым условиям, либо обрести новую родину, либо вымереть. Это как раз и связано с их исторической судьбой, процессами этногенеза и глобальным общественным развитием. Поэтому этническое размежевание продолжается и поныне, является феноменом, пограничным между общественной и прочими природными формами движения материи. Люди являются не только членами общества (племени, нации, народности, общественного или политического образования и т.п.), но и организмами со всеми присущими им биологическими функциями, млекопитающими хищниками, входящими в биоценоз населяемого ими ландшафта. Поэтому они подвержены воздействию всех геофизических полей, инфекций, голоду или, наоборот, изобилию ресурсов для жизни вследствие изменения вмещающего ландшафта.

Этнос – это территориально, географически локализованная общность людей, связанная формой адаптации к региональным условиям природной среды посредством выработанного уникального способа общественной деятельности – культуры. В работах Ю.В. Бромлея этнос определяется как явление социальное, как продукт объективного разделения труда, становления и развития экономических и политических общественных структур. Содержание этноса определяется группой признаков, таких как наличие определенной группы людей, имеющих общую территорию проживания и деятельности; наличие устойчивого самоназвания, этнонима, который трансформируется в языках других народов; самосознание через антитезу «мы – они», включающее историческую память, знание о возникновении и истории своего этноса, национальные чувства и интересы; общая культура, язык, религия и т.д. Но сам принцип определения этноса через перечисление его признаков (атрибутов) не совсем оправдан, так как позволяет исключать одни признаки и привносить другие. Если какой-либо из них отсутствует, что в реальных этносах мы, строго говоря, не имеем права по законам общей теории систем данный социум рассматривать как этническую общность. Нет здесь и функционального назначения этносов, например, подчеркивается необходимость общей территории, но не объясняется, как же эта территория «формирует» этнос. Раскрывается вопрос об отдельных сторонах существования реальных этнических общностей, но не об их генезисе, поскольку он требует поиска единого предельного основания этносов, определяющего непохожесть их друг на друга.

Эти недочеты исправляются теорией этногенеза Л.Н. Гумилева. Этнос в ней рассматривается как результат освоения определенной общностью людей уникального природного ландшафта, вернее, оптимального сочетания ландшафтов, в результате чего формируется специфический стереотип поведения, способ деятельности, отношение к миру. Этнос является носителем конкретного культурного типа, если понимать культуру как специфическую технологию общественной деятельности. Для поддержания своей жизнеспособности этнос создает специальные социальные и политические институты. Однако этногенез носит более глубинный характер, и процессы, например, этнического старения, не зависят от характера социального строя, политической системы и т.д. Поэтому этнические и социальные «ритмы» истории человечества часто не совпадают, так как по своим объективным основаниям они есть явление природное, а по формам самоорганизации – социокультурное. Этнос – это динамическая система, претерпевающая непрерывный внутренний трансформационный процесс, но имеющая некоторую устойчивость (инвариантная структура). И культура выступает как фактор и критерий этнической устойчивости, хотя в ней самой есть внутренняя изменчивость от эпохи к эпохе, от одной социальной группы в составе этноса к другой. Но пока она сохраняет качественное своеобразие, этнос существует, даже если утрачивает единую территорию, язык, антропологический тип и т.д. Национальная культура оказывает определяющее влияние на действие собственно биологических факторов самовоспроизводства этносов, например, таких как этническая эндогамия, выступающая способом сохранения национального генофонда через традиции: хозяйственные, нравственные, религиозные и др. Культура составляет наиболее устойчивые стереотипы деятельности, которые складываются в период становления этносов, определяются спецификой этнической родины. Она создает алгоритм использования внутриэтнической информации, формируя особое отношение этноса к миру, органично увязывая во времени его предшествующие и последующие состояния.

Каждое изменение географических условий, структуры и производительности ландшафта отражается на состоянии этнических коллективов, особенно на границах физико-географических зон, в экотонах. Например, границы степи и пустыни перемещаются при вековых и даже внутривековых колебаниях климата настолько, что коренным образом изменяются площади пастбищных угодий, в результате сокращаются или увеличиваются стада у степных скотоводов. А от этого зависит сила или слабость кочевой державы, уровень этнического самосознания, но не характер ее институтов, который не меняется в данном регионе. Именно на границах ландшафтных зон, в экотонах и в зонах этнических контактов возможно возникновение новых этносов. Сегодня на Земле редко можно встретить

ландшафт, не испытывавший на себе когда-либо воздействия человека, а антропогенный фактор ландшафтообразования приобрел и продолжает приобретать важное место в лике земной поверхности. Поэтому необходимо принимать активное участие в сохранении природного достояния человечества, так как природа не только вмещает человечество, само человечество со всеми его антропогенно преобразованными ландшафтами – это тоже природа, и она должна быть гармоничной.

Для выживания в сложной природной обстановке этносам необходимо ландшафтное разнообразие среды обитания (биоразнообразие). Оно позволяет использовать разные виды хозяйственной деятельности, различные природные ресурсы и уголья. Этносы всегда осваивали наиболее разнообразную территорию с целью обеспечения себя ресурсами для безопасности – экологической, хозяйственной, военной. Исходная природа ландшафта хозяйственно обустроивается в соответствии с теми функциями, для которых он предназначен: сельскохозяйственными, промышленными, селитебными и др. Далее важным условием функционирования природно-хозяйственного ландшафта служит управление. Неуправляемый антропогенный ландшафт рано или поздно перестанет осуществлять свои функции, разрушится. Люди преобразуют ландшафты в соответствии с традициями природопользования, хозяйственными нуждами, производственными возможностями. Поэтому специфика антропогенных ландшафтов определяется местными природными условиями и ресурсами, типом хозяйственного использования, культурой живущего в ландшафте этноса.

Антропогенный ландшафт – это продукт культурно-исторических и географических процессов, своеобразная «память» о материальной и духовной культуре создававшего его этноса. Люди, проживающие в ландшафте, регионе, крае, считают их своей родиной, формируют психологический склад ума, менталитет, отношение к природе, другим людям, истории, достижениям, окружающему миру в целом. Ландшафт является своеобразным наслоением, эстафетой достижений различных поколений. В сознании людей он имеет свой неповторимый облик, черты, свой «дух». Материализация труда многих поколений в таком ландшафте является его экономической основой, выступает как материализованная история места проживания: неповторимые хозяйственные комплексы, дороги, культурно-исторические и архитектурные строения, системы природопользования, искусство, религия и др. Это является реальным воплощением истории этноса, истории кормящего его ландшафта.

География антропогенных, культурных ландшафтов отражает территориальную дифференциацию природопользования. Взаиморасположение ландшафтов, длительность их соседства может спровоцировать конфликтные или наоборот взаимовыгодные ситуации в природопользовании, что отражает действие позиционного принципа Б.Б. Родмана [15]. Наиболее ярко эта логика отражена в структурах традиционного природопользования и сформированных им ландшафтах, которые не остаются неизменными на протяжении времени, несмотря на выраженный консерватизм хозяйственной деятельности. Они не изолированы друг от друга, их взаимодействие создает предпосылки для возникновения новых культурных ландшафтов на одной и той же территории. Также и любое другое общество (индустриальное, постиндустриальное и др.) оставляет следы своей деятельности в современных ландшафтах. В результате развития промышленности, сельского хозяйства, роста городов создаются трансэтнические культурные ландшафты не аборигенной общности с разной степенью их антропогенных преобразований. Происходит изменение привнесенных представлений о территории, которая становится уже знакомой и нуждается в дальнейшем освоении, но в освоении по-новому, с учетом всего опыта, накопленного в ходе природопользования в данном регионе. Применение этого опыта со временем не только модифицирует отдельные культурные ландшафты, но и постепенно сказывается на трансформации всей естественной географической структуры территории.

Отражением взаимодействия этносов и географических условий их проживания являются этноприродные (этноэкологические, по Ю.Д. Дмитриевскому [9]) процессы. Под ними понимается комплекс взаимосвязанных природных ландшафтных и антропогенных процессов, протекающих в местах проживания определенных этнических групп, на которых естественно-географические факторы создают условия для формирования этнических систем, а антропогенные факторы влияют на изменение ландшафтной обстановки и формирование природных систем [10, 12]. Этноприродные процессы являются отражением географической зональности и региональности [6]. Этот вопрос особенно важен в современный период тогда, когда встает проблема взаимодействия этносов, сформировавшихся в различных географических условиях (зональных, интразональных, высотно-поясных), например, этносы тундры, тайги и степи или этносы равнин, предгорий и гор. Каждый из них является носителем собственных представлений об окружающей среде. Но даже в пределах одной природной зоны или одного высотного пояса этносы могут проявлять индивидуальные черты. На это могут повлиять удаленность от крупных водных артерий и бассейнов, состав и качество растительного покрова, производительность почв, активность геолого-геоморфологических процессов и т.п.

Природопользование в различных физико-географических зонах и областях всегда сопровождается своим исторически сформировавшимся типом психофизических и материальных связей человека с

природой [1, 7]. В современной географической литературе рассматривается преимущественно так называемый «европейский» тип природопользования, к которому условно могут быть отнесены страны Запада, не в пространственно-географическом, а в геополитическом смысле. Но это отнюдь не исключают понимания, притяжения и приложения других форм этноприродных взаимодействий и психофизических моделей этногенеза при рассмотрении проблемы взаимодействия природы и человека. Более того, для анализа современных этноприродных систем и их комплексов в историческом или эволюционно-динамическом контексте это приобретает особую актуальность.

В эколого-географической литературе 80-х гг. XX в. вопрос отношений человека и природы был поставлен особенно остро, поскольку для анализа глобальных изменений природной среды, климата, социально-экономических и общественно-политических систем было важно понять, как человек воспринимает окружающую его природную среду. Многочисленными исследованиями отечественных и зарубежных специалистов было доказано, что человек относится к природе сугубо субъективно, так как она воспринимается им эмоционально-ориентированно, со специфически трансформированными посредством культуры пространственно-временными характеристиками. Именно фильтр человеческого восприятия обуславливает неоптимальную приспособляемость человека к природе. Поведение лиц, определяющих эколого-экономическую политику, всецело зависит от их восприятия природы, от их опыта, традиций, профессиональной подготовки, преемственности знаний. Нередко эти лица очень далеки от того понимания природы, которым обладают аборигены и которое помогает им гибко адаптироваться к неблагоприятным условиям среды обитания.

В ходе развития материальной и духовной культуры, с приобретением опыта хозяйствования восприятие человеком географических условий проживания, природной среды совершенствовалось и служило одним из механизмов этногенеза. Но изменения этносом естественной среды обитания и модернизация технологий часто приводят к ошибкам в восприятии. В современных условиях резких глобальных изменений климата, колоссального потребления природных ресурсов, быстро растущего загрязнения окружающей среды резко повысилась вероятность принятия ошибочных решений в разных областях геополитики. Сегодня крайне важно найти такой особый способ подачи знаний, который позволит, если не избежать, то, по крайней мере, уменьшить различия между реально существующими противоречиями в отношении общества и природы и их восприятием человеком. Необходимо обратиться к историческим примерам, палеоэкологическим моделям этноприродных взаимодействий в поиске тех примеров, которые имеют адаптивный к окружающему ландшафту характер, несут информацию о приемах этой адаптации [13]. Эти знания могут быть использованы при разработке перспективных моделей территориального планирования и развития.

Актуальность таких знаний все более возрастает постольку, поскольку в мире социальных и экономических ценностей в последние 20 лет будущее стало доминировать, заставляя людей в процессе деятельности обращаться к самим технологиям принятия решений по развитию. А суть их заключается в апелляции к будущему, которое предсказуемо только в некоторой части, а именно в той, которая нам известна сегодня. В попытках увеличить степень предсказуемости, прогнозируемости будущего мы вольно или невольно должны оперировать со все большим числом параметров. Однако очевидно, что, чем выше число параметров, описывающих будущее состояние общества, тем выше вероятность впасть в ошибку, тем сложнее модели развития, которые уже внутри себя порождают новые проблемы, связанные исключительно с самими технологиями моделирования. Общество сегодня отошло от географической интуиции, как инструмента прогнозирования, а привнесение в практику прогностической деятельности математического расчета, как средства избавления от субъективности, опять же вернуло нас к необходимости интуитивно определять рациональное число параметров, с помощью которых мы опишем некоторое состояние системы в будущем, чтобы оно было максимально приближено к нашим представлениям о состоянии этой системы в настоящем. А происходит это в связи с тем, что замена настоящего будущим невозможна по определению. Еще в 30-х гг. XX в. выдающийся физик, член-корреспондент АН СССР Я.И. Френкель отмечал, что в поисках новых идей следует руководствоваться не только и не столько логикой, сколько интуицией, которая предпочитает следовать по пути аналогий, перескакивая с полным пренебрежением логики через препятствия, если эти пути заводят в тупик [16]. Интуиция – это реальный творческий процесс, неосознанное или не вполне осознанное использование повторяющихся алгоритмизируемых процедур; она переносит некоторую фиксированную структуру в процессе варьирования ситуаций.

Палеоэкологические модели этноприродных взаимодействий, механизмы развития общества в прошлом в большей степени опирались на интуицию, которая рождалась как от накопленного собственного опыта, так и от опыта предыдущих поколений, который конкретно выражается в создании механизмов развития [11; 13]. Очень часто сами технологии получения предыдущего опыта забывались современниками, но оставались устойчивые схемы возобновления моделей развития и существования прогрессивных этноприродных систем, так как оставались их главные носители – жрецы, шаманы,

ведуну. Способность оперировать этими схемами и механизмами позволяла им занимать привилегированное положение в обществе как носителей необходимых алгоритмов жизнеобеспечения. Однако с развитием науки эта привилегия стала утрачиваться, поскольку ученые – носители научных знаний начали создавать и объяснять модели развития на более понятном для людей языке. На этом фоне язык волхвов, прорицателей стал непонятен, сублимирован, вытеснен исключительно в область духа, мистицизма, и за истекшее XX столетие почти полностью отвергнут обществом. Хотя еще в 1986 г. Президент Международного союза теоретической и прикладной механики, иностранный член РАН (с 1994 г.) Джеймс Лайтхилл от лица тысяч ученых заявил, что в течение последних 300 лет математики и физики вводили человечество в заблуждение, распространяя концепцию абсолютного детерминизма в ущерб теории вероятностной обусловленности явлений [4].

В этом контексте уместно вспомнить фактор неклассической рациональности [14], который убеждает нас в том, что любые модели развития бессмысленны, пока они не восприняты обществом. Сколько бы стройными, действенными и прогрессивными не были бы теории, они останутся неизвестными, коль скоро не будут поняты людьми и востребованы ими. Поэтому для тех социальных институтов, к которым мы будем апеллировать со своими теориями по поводу общественно-географического развития сколь угодно большого числа фактов, подтверждающих их истинность, будет недостаточно, но всего лишь одного факта, подтверждающего их ложность, хватит для того, чтобы отвергнуть эти теории. И даже самый непротиворечивый сценарий развития общества может быть проигнорирован только потому, что людям свойственно не следовать сценариям по различным причинам. Люди по сути своей нетехнологичны, синергетичны, их образ мысли нелинейный, бифуркационный.

Именно поэтому несмотря на индустриализацию и глобализацию этническая история человечества не прекращается, так как оно не арифметическая сумма человеко-единиц, а система. Известный пример социальной системы – семья, где основным фактором существования выступают не предметы, а связи между отдельными людьми при взаимной несхожести, что и является основным признаком систем. Связи могут быть как положительными, так и отрицательными, а некоторые из них на протяжении жизни члена семьи могут сменять знак. Например, родители заботятся о новорожденном, воспитывают и учат его. Когда ребенок становится взрослым, знак связи меняется на противоположный: он заботится о родителях и учит своих детей. Став стариком, он опять требует заботы и ухода. Это показывает, что этноприродные системы не статичны, находятся либо в динамическом равновесии (гомеостаз), либо в движении от какого-то импульса, который находится вне данной системы. Не исключено, что этот импульс ограничен для системы высшего ранга, но механизм воздействия от этого не меняется. Наличие связей, создающих этнические стереотипы, устойчиво, но никогда не вечно. Мера устойчивости этноса определяется не его массой (численностью населения и точностью копирования предков), а набором устойчивых связей. Выход за их пределы вызывает гибель или бурное развитие, что определяет эластичность этноса, позволяет ему амортизировать внешние воздействия, даже регенерироваться, восполняет ущерб за счет перестройки связей в системе.

В связи с вышесказанным видится недостаток в том, что до недавнего времени в историческом развитии этноса по признакам самоорганизации выделяли две стадии – традиционную и индустриальную. Считалось, что переход функции организации, управления и консолидации общества от родовых структур к государству сопряжен с процессом разрушения первых [8]. Но в последние 10–15 лет этничность и адаптивные механизмы этносов вновь становятся одним из измерений гражданского самосознания людей, когда этнокультурные характеристики сливаются с экономическими и политическими целями развития. Теории этногенеза становятся сегодня основой геополитической логики и стратегии, институциональной сплоченности и во многом определяют императивы национальной политики в современном геополитическом пространстве [5]. В этом аспекте изучение механизмов формирования этносов становится актуальным как никогда, особенно в плане прогноза развития общества. Такая постановка проблемы стимулирует конкретные региональные исследования по изучению исторического опыта взаимодействий человека и природы, разработке палеоэкологических моделей этноприродных взаимодействий. Эти исследования, нацеленные на синтез, как это было сделано нами для Байкальского региона [13], должны способствовать обеспечению, консолидации, координации, упорядоченности, соподчиненности действий административно-территориальных и общественно-политических структур с целью оптимизации природопользования и развития его адаптивных стратегий как залога экономического и социального прогресса общества.

Заключение

В заключение обратим внимание на следующее важное обстоятельство. Анализ возможных географических приложений теорий этногенеза к проблемам эколого-экономического развития

общества является пока лишь констатацией фактов, проистекающих из этого анализа. Оно направлено исключительно на поиск таких фактов и построение на их основе алгоритмов развития, а не на их моральную интерпретацию, чего очень часто так настойчиво ждут от науки и ученых. В этом смысле наука вообще никогда не дает никаких советов, о чем неоднократно упоминал корифей и один из основоположников географии Л.С. Берг еще около 100 лет назад [2]. Представление о том, что нужно и чего не нужно делать, дают дисциплины технические и нормативные, такие как методология, технология в широком смысле слова, а также этика, философия, религия. Наука же занимается исключительно отысканием и приведением в порядок фактов, безотносительно к тому, какие приложения можно сделать из этих фактов и какие чувства вызывают в человеке эти факты. Наука – это всего лишь знания. Но наука обладает важным свойством: не задаваясь целями морали, вместе с тем вести общество к ней, но не посредством своего содержания, а своим методом. А метод науки – это доказательство. Из содержания науки можно сделать какие угодно выводы: можно обосновывать моральные нормы, а можно защищать самые безнравственные действия. Наука не учит тому, что должно быть с точки зрения каких бы то ни было этических норм, а излагает в реалиях то, что есть, а также то, что было или будет. Иначе не было бы никакой науки, поскольку хорошо известно, что на счет того, как должно бы быть, в любой сфере человеческой деятельности есть множество мнений, тогда как от науки требуются знания, обязательные для всех.

Библиографический список

1. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. М.: Крон, 2000. 504 с.
2. Берг Л.С. Наука, ее содержание, смысл и классификация. Петроград: Время, 1922. 138 с.
3. Берг Л.С. Номогенез или Эволюция на основе закономерностей. Петроград: ГосИздат, 1922. 321 с.
4. Бетяев С.К. Прологомены к метагидродинамике. М.: Изд-во Регулярная и хаотическая динамика, 2006. 304 с.
5. Владимиров А.И. Логика этногенеза и пассионарности основных современных геополитических игроков и императивы национальной стратегии России // Плацдарм. 2003. № 4–5. С. 4–35.
6. Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю. Географические подходы к исследованию этнических кризисов // Известия РГО. 1995. Т. 127, вып. 1. С. 29–34.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2001. 384 с.
8. Денисова Г.С. Социальная субъектность этноса (концептуальный подход). Ростов н/Дону: Изд-во РГПУ, 1997. 52 с.
9. Дмитриевский Ю.Д. Об эволюции этноэкологических процессов // Известия РГО. 1998. Т. 130, вып. 2. С. 52–54.
10. Кузьмин С.Б. Экологические аспекты этноприродных взаимодействий в Приольхонье и на о-ве Ольхон // Известия РГО. 2000. Т. 132, вып. 1. С. 58–67.
11. Кузьмин С.Б., Данько Л.В. Палеоэкологические модели этноприродных взаимодействий для обоснования региональных концепций развития: методологический аспект // Известия РГО. 2001. Т. 133, вып. 4. С. 49–55.
12. Кузьмин С.Б., Данько Л.В., Андреева И.О., Безрукова Е.В. Этапы антропогенного воздействия на ландшафты Приольхонья (Западное Прибайкалье) // Известия РАН. Серия географическая. 2006. № 1. С. 47–60.
13. Кузьмин С.Б., Данько Л.В. Палеоэкологические модели этноприродных взаимодействий. Новосибирск: Изд-во «ГЕО», 2011. 187 с.
14. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 82 с.
15. Родман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
16. Френкель Я.И. Теория относительности Эйнштейна // Фронт науки и техники. 1935. Т. 38. № 5–6. С. 156–173.
17. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 304 с.
18. Шупер В.А. О природе импульсов территориального развития // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 4. С. 16–24.

S.B. Kuzmin, L.V. Danko

GEOGRAPHICAL APPLICATIONS FOR THEORIES OF ETHNOGENESIS

The article discusses the possible application of the most common geographic currently theories of ethnogenesis. These applications are the methodological basis for practical development paleoecological

models ethnic-natural interactions. At the heart of these models are also conceptual conclusions that the basis for the development of ethnic groups in the historical aspect, are largely the geographical conditions of their existence, communications, features of the structure and dynamics of the landscape, the surrounding ethnic groups. Links ethnic landscape and give rise to particular systems – ethnic-natural.

К е у w o r d s: people and landscapes, ethnic groups, the theory of ethnogenesis, ethnic-natural systems, system's theory.

Sergey B. Kuzmin, Doctor of Geographical Sciences Leader Scientist of Institute of Geography mem. V.B. Sotchava SB RAS; Russia 664033, Irkutsk, Ulanbaatar Str., 1; kuzmin@irigs.irk.ru

Lidia V. Danko, Candidate of Geographical Sciences, Deputy Director of Institute of Geography mem. V.B. Sotchava SB RAS; Russia 664033, Irkutsk, Ulanbaatar Str., 1

УДК 911.5 (477)

С.В. Михели

ОДЕССКИЙ ЦЕНТР ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ, НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ, РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье освещается история развития ландшафтоведения в Одесском национальном университете – одном из центров развития ландшафтоведения в Украине. Рассматриваются основные направления исследований центра, приводятся имена ученых, которые их осуществляли, и наиболее известные работы как основной результат деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ландшафтоведение, ландшафтоведческие исследования, ландшафтоведческий центр, ландшафтоведческая школа.

Введение

История развития ландшафтоведения в Украине связана с несколькими ведущими университетами страны (Киевским, Львовским, Таврическим, Черновицким), среди которых важное место занимает Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова. Географическая школа университета всегда отличалась разнообразием направлений исследований и незаурядными личностями исследователей, что и обуславливает актуальность и целесообразность специального изучения истории развития одесского центра ландшафтоведения. Объектом исследования является процесс становления и развития ландшафтоведения в Одесском университете, предметом – хронология событий, перечень основных направлений исследований и имена ученых, которые их проводили, полученные ими результаты. До сих пор таких исследований не проводилось. В имеющейся научной литературе есть лишь упоминания об отдельных публикациях или отдельных ученых Одесского университета [1; 3; 9], но последовательный и подробный анализ отсутствует. Тема статьи была составной частью нескольких более ранних работ автора [5-7]. Цель статьи – знакомство российских коллег с историей становления и современным состоянием ландшафтоведения в Украине на примере одного из центров его развития.

Материалы и методика исследования

Информационной базой исследования явились публикации ландшафтоведческого направления (монографии, учебные пособия, статьи, тезисы докладов), принадлежащие географам Одесского университета за период с 1923 по 2013 г. Основными методами исследования были выбраны анализ информационных источников, метод проблемной хронологизации и персонализации, библиометрический и сравнительно-исторический методы. Метод анализа информационных источников применялся для оценки степени научной проработки проблемы, выявления перечня направлений научных исследований и выявления их приоритетности, определения удельного веса научных центров, школ и персоналий в создании теоретических и практических основ ландшафтоведческой науки в Украине. Методы проблемной хронологизации и персонализации дали возможность установить структуру исторического процесса, проследить качественные изменения в

© Михели С.В., 2015

Михели Сергей Владимирович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической географии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова; Украина 01601, г. Киев, ул. Пирогова, 9; miheli1950@ukr.net